

УДК 81' 373 + 003.081

Н. В. Хруцкая

К ВОПРОСУ О КОДИФИКАЦИИ КОЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ НЕФИНИТНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМООБРАЗОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Морфология является наиболее стабильным и глубинным ярусом системы языка, в котором заложена его национальная специфика. Эволюция морфологического яруса осуществляется крайне медленно по сравнению с другими ярусами языка (фонетическим, словообразовательным, лексическим и т. п.) и характеризуется значительной степенью устойчивости при воздействии экстралингвистических факторов, так как данный ярус строго организован и обладает понятиями и категориями, в развитии которых в основном преобладают интралингвистические законы аналогии, традиции, экономии и антиномии. Изменения в морфологическом строе языка обнаруживаются в увеличении или уменьшении количества вариантных форм. Основными причинами морфологического варьирования «служат смешение и аналогическое воздействие унаследованных от старого строя языка парадигматических различий (в типах склонения, глагольных классах, способах образования видов и т. д.)», — считает К. С. Горбачевич [2, с. 138]. И далее: Преодоление грамматических аномалий, несоответствие морфологического облика слова словообразовательной мотивации рода и его синтаксическому выражению, специализация грамматически перегруженных аффиксов, стремление освободиться от омоформ и обеспечить регулярную и фонологически выраженную грамматическую оппозицию — все эти факторы пополняют состав вариантов и создают сильные зоны морфологического варьирования. Морфологическое варьирование может либо обзвериваться по всей парадигме, охватывать всю лексему или несколько ее форм (родовые, суффиксальные варианты), либо быть репрезентировано только в одной, конкретной грамматической форме. «Идентификация морфологических вариантов слова предполагает совпадение не только лексического содержания и основной части фонемного состава, но и грамматического значения, что обеспечивает свободную или ограниченную субституцию сопоставляемых форм» [2, с. 138]. Необходимо отметить, что в морфологии вариантность ограничена до определенного предела, который лимитирован самой системой языка, поэтому динамика словоизменения внутри языковых рамок осуществляется путем конкуренции этих форм, вытеснением одной формы другой, но только таких форм, которые предусмотрены самой системой языка. «Каждый лексико-грамматический класс слов...обладает особыми грамматическими категориями, поэтому количество возможных вариантов и их предельность определяются внутренней природой самих частей речи» [6, с. 146].

«На уровне морфологии формальное варьирование имеет место в тех случаях, когда при сохранении одного значения две различные формы могут чередоваться в одной и той же позиции. Тем самым подразумевается, что эти формы являются вариантами для одного из элементов парадигматического ряда, хотя условия их дистрибуции в пределах языка в целом могут быть различны», — пишет В. Н. Ярцева. [11, с. 16-17]. На общем фоне относительной стабильности морфологического яруса языковой системы и достаточно медленной эволюции внутренних процессов динамики можно выявить определенные тенденции, затрагивающие всю морфологическую систему языка. Для этого необходимо рассмотреть и проанализировать все морфологические коэкзистенциальные конкурирующие варианты во всех лексико-грамматических классах слов на рубеже XX-го и XXI веков.

Исходя из нашей классификации, морфологические коэкзистенциальные варианты мы подразделяем на два подвида: а) собственно морфологические варианты и б) морфолого-фонематические (морфонологические) варианты.

Под собственно морфологическим вариантом языкового знака мы понимаем лексическую единицу с полным тождеством фонемного состава, но имеющую грамматические категориальные различия в роде, числе, падеже, виде, времени и т. п., например: *виски* (муж. р. и средн. р.), *кети* (средн. р. и женск. р.), *авеню* (женск. р. и средн. р.), *организовать* (несов. в. и сов. в.). Под морфолого-фонематическим вариантом языкового знака мы понимаем лексическую единицу, в которой грамматические категориальные различия рода, числа, падежа, вида, наклонения, времени, залога и т. п. связаны с различиями в ее фонемном составе и, соответственно, с составом ее формообразовательных аффиксов. Различия в фонемном составе у морфонологических вариантов достаточно многообразны. Они могут касаться только корневого согласного в сильной позиции (*растаможивать* – *растамаживать*), корневого гласного и формообразовательного суффикса (*затоплять* – *затапливать*), состоять в наличии / отсутствии формообразовательного суффикса (*пах* – *пахнул*), относиться к падежной флексии (*ампер* – *амперов*), родовой флексии (*рельс* – *рельса*) и т. п. У некоторых вариантов обзерируется морфонологическое чередование согласных в основе (*алчу* – *алкау*). Фонематические расхождения могут сопровождаться изменением места акцента в слове (*приготовля'ть* – *пригота'вливать*). Необходимо также отметить, что фонематические расхождения могут экстраполироваться как на всю парадигму, так и проявляться спорадически.

Наиболее общими причинами морфонологической вариативности К. С. Горбачевич считает смешение и аналогическое воздействие типов или вариантов склонения и взаимовлияние глагольных классов [2, с. 152]. Разделяя данную точку зрения, которая рефлексировывает черты стабилизирующего (низкодинамического) типа эволюции языковой нормы (ТЭЯН), хотим отметить, что для анализируемого нами высокодинамического ТЭЯН начала века основной причиной конкуренции морфолого-фонематических вариантов является интралингвистический закон экономии языковых средств, что подтверждают результаты проведенного нами исследования.

Остановимся подробнее на анализе коэкзистенциальных вариантов параллельных нефинитных (инфинитив, причастие, деепричастие) глагольных формообразований. Описание, анализ и выявление тенденций в динамике вариативности данных форм является одним из составляющих в системе описания всей морфологической системы современного русского языка с позиции вариативности языковых знаков, чем и обусловлена актуальность репрезентируемой статьи.

В процессе исследования коэкзистенциальных вариантов инфинитива русского глагола нами были выделены такие разновидности:

1. Двойные формы инфинитива у следующих глаголов: *достигнуть* – *достичь*, *настигнуть* – *настичь*, *застигнуть* – *застичь*, *постигнуть* – *постичь*, *стынуть* – *стыть*, *настынуть* – *настыть*, *простынуть* – *простыть*.

Еще в 70-е годы XX века Л. К. Граудина указывала, что в данной группе предпочтительным является короткий вариант (без суффикса *-ну-*) [5, с. 27]. Позволим не согласиться с данным утверждением, так как во всех анализируемых нами нормативных словарях (ТСУ, БАС-1, МАС -1, МАС -2, СОШ, БТС) вышеперечисленные инфинитивы зафиксированы как абсолютно равноправные равноценные варианты, то есть, исходя из лексикографических данных, конкуренции между вариантами этого типа в последние шестьдесят лет не наблюдается.

2. Вариантные формы инфинитивов на *-сти*, *-эти* (*-сть*, *-эть*)

Анализируемая группа представлена 70 глаголами. Экземплификаторами могут служить следующие: *везти – везть, замести – заместь, разгрести – разгресть, растряссти – растряссть* и т. п.

Если формы с редукцией конечного *-и* (*приобрести, отвезти, свести*) использовались в художественной литературе XVIII–XIX веков и являлись нормативными, что подтверждается данными Словаря Академии Российской, то в XX веке варианты на *-ть* были зафиксированы в таких словарях, как ТСУ и БАС-1 с пометой *просторечное* (*нести, весть, принести*), а современными нормативными словарями второй половины XX века (СОШ, БТС, МАС-2) такие инфинитивы уже не фиксируются вообще, что свидетельствует о том, что вариант инфинитива на *-ть* полностью устарел и перешел в пассивный запас языка, а конкуренция инфинитивов на *-ти* и *-ть* достигла завершающей фазы в кодифицированном языке с победой полного варианта инфинитива на *-ти*: *мести, вытрясти, ползти, соблюсти* и т. п., что, по мнению С. П. Обнорского, является результатом “воздействия северновеликорусской стихии на развитие литературного языка” [8, с. 181–182]. Тем не менее Стилистический словарь вариантов “Грамматическая правильность русской речи” (далее ГПРР) дает полный перечень данных вариативных форм (с. 279), указывая, что формы на *-ть* являются просторечными. И только такие варианты как *зацвести, обрести, отцвести, перенести, превознести, расцвести, цвести* фиксируются со стилистическими пометами *разг* и *поэт*. К. С. Горбачевич также указывает, что “оценка вариантов инфинитива на *-ть* представляет собой сложный нормативно-стилистический вопрос... Эти варианты функционируют сейчас на правах особого стилистического средства, так называемого “литературного просторечия” [2, с. 172]

3. Варьирование инфинитивов вторично имперфектированных глаголов с суффиксами *-ива/-ыва-* и *-а/-я*.

Данная группа репрезентируется следующими инфинитивными вариантами формообразования (более 20 пар): *вверивать – вверять, выпрямливать – выпрямлять, засаривать – засорять, замедливать – замедлять, обособливать – обособлять, облепливать – облеплять, обрушивать – обрушать, обсуживать – обсуждать, оздоравливать – оздоравливать, остуживать – остужать, опоражнивать – опорожнять, отряхивать – отряхивать, оценивать – оценивать, размеривать – измерять, приготавливать – готовить*.

Большая продуктивность и распространенность в современном языке инфинитивных форм с суффиксом *-ива/-ыва-* является общепризнанной еще с середины XX века в работах таких лингвистов, как В. В. Виноградов, С. П. Обнорский и Н. С. Авилова [1]. Тем не менее варьирование форм вторично имперфектированных глаголов представляет собой дискуссионный и сложный вопрос как в историческом, так и в нормативном аспекте. Появление вторичных имперфектов *-ивать/-ивать* А. А. Потебня обоснованно связывал с развитием у префиксов значения совершенного вида и использованием для выражения несовершенного вида форм со значением наибольшей длительности [9, с. 32]. Тем не менее поиски оттенков “интенсивности длительности” (термин А. Мазона) или “потенциальной повторяемости” (термин А. А. Шахматова), присущих данным вариантам в современном русском языке, как указывал В. В. Виноградов [1], малоэффективны. Между тем, многие уравниваемые члены вариантных пар типа *оценивать – оценивать, улавливать – улавливать* неравноценны по отношению к современной норме языка. Несмотря на то что вариативность имперфектных форм наблюдается достаточно продолжительное время, так как появление форм с суффиксом *-ыва/-ива-* относится к XVI веку, нормативная практика не имеет общих принципов для оценки перспективности анализируемых вариантов, так как наряду с массовым

вытеснением форм с суффиксом *-а/-я-* (*вытягать, наращать, обрушать, отряхать*) и переходом данных форм в разряд устаревших, обзервируется и противоположный процесс – победа вариантов на *-ать/-ять* над вариантами с на *-ывать/-ивать* (*выпрямлять, засорять, обсуждать*). Как указывает К. С. Горбачевич [2, с. 160], новая норма (варианты на *-ывать/-ивать*) утверждается при двух условиях: 1) замене корневого гласного *о* гласным *а*; 2) перенесении ударения на этот звук (*а*), т. е. ближе к центру слова (*устанавливать – устанавливать*). Именно при этих условиях перспективными становятся варианты на *-ыва/-ива-* (*обосабливать, приспособливать, растапливать*). При отсутствии мены *о* на *а* в корне у форм на *-ывать/-ивать* корреляция вариантов весьма лексикализована, что не дает возможности подвести нормативную характеристику под общий грамматический принцип. Конкуренция вариантов с суффиксом *-а/-я-* приобретает аугментарный (нарастающий) характер и их преобладание над формами на *-ывать/-ивать* обзервируется в этих случаях чаще (*обрезать, замедлять, налеплять, сцеплять*). Исходя из вышесказанного можно сделать вывод о том, что отсутствие замены корневого *о* на *а* является детерминантом большей устойчивости первичных вариантов на *-ать/-ять*.

При анализе вариативных форм причастий были выявлены следующие закономерности.

1. Наличие вариантных форм действительных причастий настоящего времени обусловлено, в первую очередь, вариантами инфинитивов и финитных форм глаголов, от которых они образованы: *блистать – блистают – блистающий* и *блещут – блещущий*; *внимать – внимают – внимающий* и *внемлют – внемлющий*; *капать – капаят – капаящий* и *капят – каплющий*; *расцепать – расцепают – расцеплющий* и *расцепают – расцепаящий*; *страдать – страдают – страдающий* и *страждут – страждущий* (поэт.).

2. Наличие параллельных форм действительных причастий прошедшего времени от беспрефиксальных и префиксальных глаголов на *-нуть*.

Группа действительных причастий прошедшего времени, образованных от бесприставочных глаголов, репрезентируется следующими вариантами (30 пар): причастных форм: *блекнувший – блекший, брюзгнувший – брюзгший, виснувший – висший, вязнувший – вязший, гаснувший – гасший, гибнувший – гибший, глохнувший – глохший, дохнувший – дохший, дрогнувший – дрогший*.

Вторые вариантные формы без суффикса *-ну-* зафиксированы только в ГПРР-1976 и в ГПРР-2004 (с. 308). В других современных нормативных словарях и справочниках (СОШ, БТС, МАС-2) и в Толково-грамматическом словаре И. К. Сазоновой [10] (далее РГиПФ) такие формы отсутствуют, что дает возможность предполагать, что конкуренция этих причастных форм носит стагнирующий характер и находится в стадии завершения с победой варианта действительных причастий прошедшего времени, образованных от беспрефиксальных глаголов, с суффиксом *-ну-*. Бессуффиксные варианты действительных причастий прошедшего времени более употребительны и соответствуют норме современного литературного языка в том случае, если они образованы от приставочных глаголов или от глаголов с неделимой основой: *взмокий, засохший, достигший, погрязший* и т. п.. “Формы с *-ну-* чаще употребляются от бесприставочных глаголов; у приставочных глаголов они являются устаревшими и книжными”, – указывается в АГ-80 [3].

Экземплификаторами данной группы являются такие варианты причастий: а) образованные от приставочных глаголов: *озябший – озябнувший, (о-, при-)тухший – тухнувший, осипший – осипнувший, ослепший – ослепнувший, охрипший – охрипнувший, (по-, про-)тухший – тухнувший, (с-, у-)тихий – тихнувший*; б) образованные от глаголов с неделимой основой: *ввергший(ся) – ввергнувший(ся), воздвигший – воздвигнувший, воскресший – воскреснувший, вторгшийся – вторгнувшийся*,

исторгший(ся) – исторгнувший(ся), настигший – настигнувший, низвергший(ся) – извергнувший(ся), ниспровергший – ниспровергнувший, обвыкший – обвыкнувший, опровергший – опровергнувший, отторгший – отторгнувший, повергший – повергнувший. В РГиПФ вторые варианты действительных причастий прошедшего времени (с суф. -ну-), например, *воскреснувший* (с. 56), *достигнувший* (с. 117) репрезентируются как дополнительные формообразования (помета *доп.*). В БТС и СОШ формы с -ну- уже отсутствуют, т.е. последние по годам издания словари фиксируют только первые варианты причастных форм: *намокший* (БТС, с. 589), *охрипший* (БТС, с. 769) и т. п. Это свидетельствует о том, что в данном случае наблюдается действие интралингвистического “закона экономии языковых средств”, а именно: формообразовательный суффикс -ну-, не несущий никакой семантической нагрузки, постепенно исчезает из форм действительных причастий прошедшего времени, в связи с чем побеждает более короткий и благозвучный вариант без -ну-: *намокший, погасший, воскресший* и т. п. Очевидно, можно говорить о том, что процесс конкуренции анализируемых вариантов причастных форм в настоящее время находится в стагнирующей (затухающей) фазе.

Анализ вариативных форм образования деепричастий позволил выявить следующие группы.

1. Параллельные формообразования деепричастий несовершенного вида связаны с наличием в системе языка вариантных пар глаголов: *блистают – блистая* и *блещут – блестя*; *внимают –внимая* и *внемяют – внемя*, *каплют – капля* и *капают – капая*, *машиут –машиа* и *махают –махая*, *страдают –страда* и *страждут – стражда* (*устар*), *сыплют – сыпля* и *сыпят – сыпя*, *щеплют – щепля* и *щепают – щепая*.

2. Образование от возвратных глаголов на *ить-ся* вариативных форм деепричастий совершенного вида на *-вши -сь* и *-а-сь/-я-сь*.

Данная группа репрезентируется следующими экземплификаторами (более 50 пар): *возвратившись – возвратясь, встретившись – встретясь, повторившись – повторясь, подготовившись – подготовясь, подружившись – подружясь, подчинившись – подчинясь, позаботившись – позаботясь, познакомившись – познакомясь, помилившись – помилясь, поправившись – поправясь, поправившись – поправясь, поссорившись – поссорясь, появившись – появясь, превратившись – превратясь, представившись – представясь, преобразившись – преобразясь, приблизившись – приблизясь, приготовившись – приготовясь, удивившись – удивясь, условившись – условясь*. Варианты с суффиксом -я- особенно употребительны с постфиксом -ся: *простясь, встретясь, притаясь* и т.п. В данном случае достаточно сложно определить, какой из вариантов формообразования деепричастий потенциально более перспективен. Например, в Словаре грамматических трудностей русского языка Т. Ф. Ефремовой и В. Г. Костомарова (далее СГТРЯ) оба варианта фиксируются как нормативные и стилистически немаркированные [7, с. 160-161]. В ГПРР рекомендации по квалификации данных форм отсутствуют. АГ-80 также репрезентирует такие варианты как равноправные, указывая лишь, что формы на *-а-/-я-* более употребительны [3, с. 674]. С нашей точки зрения, конкуренция данных вариантов находится в стартовой фазе, постепенно приобретая аугментарный характер с тенденцией к превалированию более коротких форм (исходя из закона языковой экономии) с суффиксом *-а-/-я-*: *справясь, согласясь, направясь*.

3. Образование полирассовых вариантов форм действительных деепричастий совершенного вида на *-ши* и *-в/-вши* от невозвратных непродуктивных приставочных глаголов на *-нуть*: *за(ис-, при-, под-, у-)сохши – за(ис-, при-, под-, у-)сохнув(ши)*, *ослепши – ослепнув(ши)*, *возникши – возникнув(ши)*, *вы(на-, про-, при-, за-)можиши – вы(на-, про-, при-, за-)мокнув(ши)*, *за(у-)взяши – за(у-)взянув(ши)*, *за(про-, с-, под-, рас-)кисши – за(про-, под-, рас-, с-)киснув(ши)*, *из(с-, по-)дохши – из(с- по-)дохнув(ши)*, *иссякши –*

иссякнув(ши), об(раз-)мякши – об(раз-)мякнув(ши), оглохши – оглохнув(ши), опуши – опухнув(ши), осипши – осипнув(ши). Репрезентированные деепричастия образуют вариантный трехчленный ряд, и только некоторые из них представлены парными вариантами: *завязнув-завязнувши*, *за(по-)гаснув – за(по-)гаснувши*, *из(про-)дрогнув – из(про-)дрогнувши*, *налипнув-налипнувши*, *за(про-, под-, при-)мерзнув – за(про-, при-, под-) мерзнувши*, *увянув-увянувши*. В историческом процессе конкуренции данных вариантов формообразования деепричастий формы на *-ши* и *-вши* постепенно вытесняются короткими формами на *-в* (*разбухнув, ослепнув, размокнув*). Необходимо отметить, что эти деепричастные формы сохранили суффикс *-ну-* (на основе закона антиномии, вызванной асимметричностью языкового знака) вопреки общей тенденции к его утрате в парадигме данного класса глаголов (*сох – сохнул, промок – промокнул*), где вариант без формообразовательного суффикса *-ну-* является современным и нормативным. Очевидно, решающим в данном случае оказался фактор перехода в разряд устаревших (архаических) практически всех деепричастных форм на *-вши*, *-ши*, которые, как правило, фиксируются с пометой “устаревшее”. В данном случае наблюдается действие внутриязыкового закона “экономии речевых усилий”, так как формы на *-вши* слишком громоздки и сложны фонетически, а система языка стремится к симплификации. В ГПРР указывается: “Нормой современного языка следует считать формы на *-ну-* с регулярным окончанием деепричастий совершенного вида на *-в*” (с. 331). Таким образом, можно говорить о том, что конкуренция анализируемых вариантов находится в завершающей фазе стагнации с победой короткой формы причастий совершенного вида на *-в*.

Параллельные формы деепричастий от глаголов движения типа *подбегая – подбегавши, отлетая – отлетавши, уносясь – уносившись, бегая-бегавши* нами рассматриваться не будут в связи с тем, что в данных парных вариативных формообразованиях процесс конкуренции в настоящее время полностью завершён победой варианта деепричастия без суффикса *-вши*. В тех случаях, когда употребляются две формы, например, *находясь* (пребывая) и *находившись* (устав от ходьбы), *расходясь* (уходя с разные стороны) и *расходившись* (привыкнув ходить) мы имеем дело со словами с различной семантикой в парадигме омонимов, где суффикс *-вши-* приобретает уже не словоизменительное, а словообразовательное значение.

Рассмотрев вариативные формообразования нефинитных глагольных форм (инфинитива и атрибутивных глагольных форм: причастия и деепричастия), можно сделать следующие *выводы*. Как правило, в системе языка остается более короткий вариант формообразования слова как наиболее жизнеспособный и конкурентноспособный. На конкуренцию анализируемых вариантов в системе языка экстраполируются, в первую очередь, действие закона речевой экономии (экономии речевых усилий), например, исчезновение суффикса *-ну-* у форм действительных причастий прошедшего времени как не несущего семантической нагрузки, переход в разряд архаичных вариантов деепричастий с суффиксом *-ши* (*прочитавши, открывши*) и т. п. и закон антиномии узуса и возможностей языка.

Литература

1. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.-Л., 1947.
2. Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.
3. Грамматика современного русского литературного языка: В 2-х т – Т.1. – М: Изд. АН СССР, 1980.
4. Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. – М., 2004.
5. Граудина Л. К. Достичь и достигнуть // Русская речь. – 1976. – № 6.

6. Граудина Л. К. Словоизменительные варианты: вес переменных элементов в грамматике // Грамматика и норма. — М., 1977.
7. Ефремова Т. Ф., Костомаров В. Г. Словарь грамматических трудностей русского языка. — М: Русский язык, 1999.
8. Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. — М., 1953.
9. Потенция А. А. Из записок по русской грамматике. IV. Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог. — М.-Л., 1941.
10. Сазонова И. К. Русский глагол и его причастные формы. Толково-грамматический словарь. — М: Русский язык, 1989.
11. Ярцева В. Н. Проблема вариативности на морфологическом уровне языка. // Семантическое и формальное варьирование. — М: Наука, 1979.

Статья поступила в редакцию 7.03.2006 г.

□

УДК 811.112.2'367

Т. С. Шавловська-Лунгу

ОСОБЛИВОСТІ ЕМОТИВНО-ЕКСПРЕСИВНОГО СИНТАКСИСУ СУЧАСНОГО НІМЕЦЬКОГО МОЛОДІЖНОГО СЛЕНГУ

Експресивність як загальномова категорія поширена на усіх рівнях мови, і арсенал засобів, що її виражають, є необмеженим. Однак, проблеми експресивного синтаксису набувають у сучасній лінгвістиці все більшої актуальності. Це пов'язане з інтенсивним вивченням структури тексту, мовної особистості як суб'єкта мовленнєвої діяльності, її прагматичних аспектів розмовного, усно-діалогічного мовлення, взаємовідношення мовця й адресата, звукових засобів посилення виразності мовлення та посилення його впливу на сприймача.

Мовознавці неодноразово наголошували на важливості вивчення експресивного синтаксису. Так, академік В.В. Виноградов до кола необхідних досліджень у галузі стилістичного синтаксису включав "проблему експресивних — виразних, зображувальних — відтінків, притаманних тій чи іншій синтаксичній конструкції або тим чи іншим комбінаціям синтаксичних конструкцій" [3, с. 26]. Однак дослідженню емотивно-експресивного синтаксису молодіжного сленгу не було приділено достатньої уваги.

Структура будь-якої мови складається з певних правил та норм. Найбільш організованою й упорядкованою є граматична система мови, що в свою чергу включає в себе синтаксичний, морфологічний і словотвірний рівні. Відхилення від традиційних встановлених правил граматики вважається порушенням норми і є ознакою недостатньої освіченості. Однак, якщо йдеться про молодіжний сленг, слід зауважити, що надмірна емоційність соціальної групи «молодь» сприяє не лише впровадженню в мову нової лексики, але й припускає деякі відхилення від загальноновживаних граматичних правил. Порушення молодими людьми норм мови відбувається несвідомо, під впливом емоційного стану, адже молодіжний сленг існує передусім у формі усного мовлення. У художній літературі, передусім у молодіжних романах (Plenzdorf U. Die neuen Leiden des jungen W. — 1973; Golf N. Ein Girlie packt aus. — 1999; Stuckradbarre von B. Soloalbum. — 2001 та інші), існує багато прикладів вживання молодіжного сленгу в мові персонажів. Однак, на нашу думку, жодна з цих спроб не відтворює повною мірою особливості досліджуваного соціолекту, оскільки писемне мовлення виключає можливість передачі усіх характеристик молодіжного жаргону.

Під час проведення дослідження сучасного молодіжного німецького сленгу до уваги були взяті критичні висловлювання вчителів шкіл і викладачів вищих нав-